

СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИИ

© 2014 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье раскрываются социолого-правовые взгляды русских народников – основоположников субъективной школы в социологии. Показывается связь между их субъективно-идеалистическими установками, народнической идеологией и взглядами на государство и право. Детально анализируется социологический анализ П.Л. Лавровым государства и права как сферы сознания.

Annotation: in the article reveals sociological and legal views of Russian populists – the founders of subjective school in sociology. Shows the relationship between their subjective idealist installations, populist ideology and views on state and law. Analyzed in detail sociological analysis of P.L. Lavrov of the state and law as the sphere of the consciousness.

Ключевые слова: социология права, субъективная социология, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, народники.

Key words: sociology of law, subjective sociology, P.L. Lavrov, N.K. Mikhaylovsky, S.N. Yuzhakov, populists.

Субъективная социология – наиболее крупное направление в русской социологической мысли второй половины XIX в. Его главные представители – П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, заложившие своими трудами на рубеже 60 – 70-х годов основу новой школы. В дальнейшем ее развивали В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, Л.Е. Оболенский, И.И. Каблиц и многие другие. С середины 90-х годов, когда под напором марксизма она начинает терять свое влияние, В.М. Чернов, М.Р. Гоц, Л.Э. Шишко пытаются “в новых исторических условиях оживить умирающее субъективное направление”². С самого начала своего возникновения субъективная школа развивалась в качестве методологического средства обоснования народнической идеологии. Здесь социологию сознательно брали на вооружение для формулирования и выдвижения политических задач, стоящих перед разночинной интеллигенцией. В Европе и США социологическая наука также формировалась в тесной связи с общественной практикой, но только в России позитивистская социология приобрела такой остро политический характер. Во второй половине XIX в. только в России социология, идеология и политика практически слились в единое целое, что нашло свое отражение в четкой позиции главы и основателя субъективной школы П.Л. Лаврова: “позитивизм обязан построить

теорию практических мотивов как субъективных побуждений”, “важнее всего практическая философия, указывающая не только что и как бывает, каким образом происходят те или другие общественные явления, но и цель, к которой человек обязан стремиться, идеи, которые желательно воплотить в общественный строй”³. “Субъективная социология, – утверждал он, – порождена самим О. Контом, который почувствовал, что жизнь не может быть выкинута из мышления... Отсюда возник и субъективный метод, употребленный им для позитивной политики”⁴.

Субъективная социология была порождена двумя группами причин: политическими и интеллектуальными (научными). Во-первых, революционная интеллигенция, обуреваемая жадой быстрых социальных изменений, столкнулась с пассивностью и инертностью русского народа. Так, П.Л. Лавров поначалу полагал, что русское крестьянство, консервативное и с царистскими настроениями, не готово к социальной революции и построению социализма. Совершение же политической революции (свержение самодержавия) приведет лишь к установлению власти новых эксплуататоров. Поэтому им была предложена пропагандистская тактика: интеллигенция должна идти в народ, просвещать его и готовить к будущей революции. “Хождение в народ” в 1873–1876 гг. не дало результатов, что заставило П.Л. Лаврова пересмотреть свое отношение к перспективам политической борьбы в России.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

² Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 116.

³ Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Избр. произв. В 2-х т. Т. 1. М., 1965. С. 607.

⁴ Там же.

Он приходит к выводу, что самодержавие не даст возможности подготовить народ к социальной революции. Отсюда возникает новая тактическая установка на свержение самодержавия. Катализатором такого решения стала весьма эффективная террористическая деятельность “Народной воли”, увенчавшаяся убийством Александра II. На словах Лавров продолжал отстаивать ценность пропаганды в народе, считая его основным субъектом грядущего социального переворота, на деле же он перешел к открытой поддержке политического террора в России, а в террористах увидел единственную силу свержения абсолютизма. Обе тактики (и пропагандистская, и террористическая), по сути, опирались на идею, что главной революционной силой в России в настоящий исторический момент может быть отнюдь не крестьянство, а исключительно революционная интеллигенция, революционное меньшинство. Такая политическая установка требовала своего теоретического обоснования, что нашло свое отражение в субъективной социологии.

Во-вторых, субъективная школа – следствие противоречивого развития европейской социальной науки XVII–XVIII вв. Начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта гуманитарная мысль в своем стремлении обрести строгость и точность тяготела к объективизму естествознания. Социологическое знание, представленное в социальной философии, философии истории и философии права, зачастую оформлялось в виде наукообразных формализованных схем наподобие теорем и аксиом Б. Спинозы или естественных законов Т. Гоббса. Объективизм в социальной науке, по словам Н.И. Кареева, был реакцией на субъективизм метафизики XVIII в.⁵ В XIX в. объективистская тенденция многократно усилилась, что имело как позитивные, так и негативные следствия. Социологическая мысль, встав на почву эмпирики и каузальных связей, получала возможность изучать социальные явления, исходя из их собственной природы. Благодаря естественнонаучному мировоззрению (куда относилась и концепция естественного состояния) общество, государство и право рассматривались в качестве природных объектов, имеющих собственные законы существования и развития. Подобно естествознанию социальная наука, пытаясь открыть законы становления и функционирования явлений, создавала модель общества, где люди и институты представляли в качестве деталей хорошо отлаженного механизма. Если природа – четко работающий агрегат

(как установило естествознание), то общество, рассуждали просветители, должно было иметь такие же параметры. При таком подходе человек как живая, эмоциональная, в значительной мере иррациональная личность выводилась за скобки, рассматривалась как своего рода погрешность в математической задаче, что рождало противоположную реакцию – субъективизм. Субъективизм, подчеркивал Н.И. Кареев, стал поправкой к этой односторонности: нельзя изучать общественные явления, игнорируя мысли и чувства человека⁶.

Вместе с тем субъективизм в социальной науке вытекал из того же рационализма просветителей, которые в своем понимании общества, государства и права основывались на естественном порядке вещей, открываемого разумом. Выстраивание социальной модели исключительно на основе рационализма, на неких принципах разума, находящихся, по сути, в голове автора, фактически вело к субъективизму. “Такой социологический метод, – верно замечает Н.И. Кареев, – не мог не быть субъективным: познающий субъект творил науку из себя, и такая наука более обрисовывала нравственную физиономию личностей, ею занимавшихся, чем содействовала пониманию явлений, в ней объясняемых: каждый мог по-своему определить, чем должна быть та или другая вещь, и сообразно с этим по-своему понимать, в чем заключается ее сущность. В субъективности такой науки лежит причина того, что она не могла двигаться вперед, ибо каждый исследователь оставлял после себя весьма немного несубъективного, т.е. такого, чем мог бы воспользоваться и другой, которому разум предъявлял иные требования и который поэтому клал иные принципы в основу своей системы”⁷.

Субъективизм просветителей фактически превращался в моделирование социальных систем, рационалистическая мысль имманентно рождала потребность в обосновании социальных идеалов, в формулировании принципов социального устройства идеального общества. Эту традицию продолжили К.А. Сен-Симон и О. Конт, для которых познание законов общества выступало средством обоснования лучшего будущего человечества. Русская субъективная школа также отличалась дуализмом научного и идеолого-политического компонентов, делая акцент на последнем. “Исторические письма” П.А. Лаврова, по убеждению Н.И. Кареева, больше напоминали рационалистический индивидуализм XVIII в., нежели социальный эволюционизм XIX в., в этой работе перекося был более в сторону должного (как должна себя вести критически мыслящая личность), чем в

⁵ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии // Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 2008. С. 385.

⁶ См.: там же.

⁷ Там же. С. 504.

сторону сущего⁸. Того же мнения придерживался П.Б. Струве, хорошо знавший и народническую среду, и их литературу⁹.

Русская субъективная школа — одно из крупных оригинальных направлений мировой социологической мысли, где впервые были сформулированы многие перспективные идеи. Так, Лавров за четверть века до Р. Риккерта и В. Виндельбанда указал на различие наук о культуре от наук о природе, связав первые с ценностями¹⁰. Позднее, чем в России субъективизм в социологии отстаивали американские социологи Л.Ф. Уорд и Ф.Г. Гиддингс¹¹. Субъективная школа, согласно Н.С. Тимашеву, «предвосхитила современную социологию знания в том, что признала “существование истин, которые не могут быть признаны до определенного времени... вследствие субъективных причин неготовности общества понять вопрос в его активной постановке”, предугадав Макса Вебера в его попытках использовать в социологии концепцию вероятности, а также предвосхитила учение Тарда о новации и подражании в исследовании роли личности в социальном процессе, но которая совершила методологическую ошибку, допустив, что социология — нормативная наука»¹².

Стержень субъективной социологии — субъективный метод, сформулированный Лавровым. Он предназначен для изучения истории, общества, государства и права. С его помощью Лавров пытается выявить закономерности истории и ее движущих сил, обосновать теорию прогресса и социализм как цель прогресса, установить механизмы становления и функционирования социальных институтов.

Теоретические истоки субъективного метода лежат в гносеологии Д. Юма, И. Канта и О. Конта, согласно которой объективная реальность определяется особенностями индивидуального сознания. Отчасти субъективный метод близок к феноменологии — идеалистическому философскому направлению первой трети XX в., где постулировалось единство сознания и пред-

метного бытия, субъекта и мира объектов. В субъективной социологии нет, конечно, такой развернутой аргументации, как у классиков философии, но постановка вопросов принципиально сходна. Политическая направленность субъективной школы делала ее методологию весьма заметной, обеспечивала к ней широкий интерес.

Свою исходную философскую позицию Лавров называл антропологизмом, что означало рассмотрение всех природных и социальных явлений через призму индивидуального сознания. В центре любых научных исследований, считает он, должен находиться человек в его теоретическом и практическом проявлениях. Сфера человеческого бытия предполагает два компонента: 1) мир с его законом причинности, связывающим явления, 2) активную личность, ставящую перед собой цели и выбирающую средства. Соответственно, мир и человека следует оценивать существующими не сами по себе, а “для нас”, т.е. субъективно, в системе субъективных, оценочных отношений¹³. Лавров хотя и признает существование объективного мира, но считает, что представлен он человеку исключительно в его сознании, т.е. субъективно. В духе кантианской гносеологии утверждается, что при изучении предметов материального мира “мы изучаем не самые предметы, а наши представления и понятия о них, самих же предметов воспринимать не можем”¹⁴. Иными словами, “объективное” как категория, отражающая предметы материального мира, по природе своей субъективна, так как относится к сфере мысли. Сами категории “наука” и “истина” также субъективны, так как относятся к сфере сознания: «Термин “истина” есть логическая категория, без которой мы мыслить не можем, но очень хорошо знаем, что эти категории вовсе неприложимы там, где нет человеческой мысли, и не имеем никакого ручательства, насколько имеют сами по себе бытия те явления, предметы и отношения между ними, которые составляют основу всего нашего мышления. Наша логика и наука существуют, во-первых, лишь для существ, мыслящих по тем психическим законам, которым мы по необходимости следуем, если мы до них доработались; во-вторых, они существуют и из человеческого рода лишь для людей, до них доработавшихся, т.е. для крайне небольшого меньшинства и прошедшей истории»¹⁵.

⁸ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 48.

⁹ См.: Струве П.Б. К характеристике социологических идей народничества // Южаков С.Н. Социологические этюды. М., 2008. С. 648.

¹⁰ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии. С. 57, 58.

¹¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 420, 421.

¹² Тимашев Н.С. Социологические теории Максима Ковалевского // Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 626.

¹³ См.: Лавров П.Л. Биография-исповедь. 1885–1889 // Лавров П.Л. Избр. произв. В 2 т. Т. 2. С. 633, 634.

¹⁴ Лавров П.Л. О методе в социологии. Письмо в редакцию “Знания” // Южаков С.Н. Социологические этюды. С. 595.

¹⁵ Там же. С. 593, 594.

Таким образом, по Лаврову, познающее сознание (независимо от предмета исследования) всегда субъективно, поскольку оно отнесено к сфере мысли. Вместе с тем он различает объективный и субъективный методы исследования. Объективный метод направлен на установление свойств предметов эмпирического мира (“движение предметов, размеры, их вес, сопротивление, оказываемое ими давление, расширение ртути в термометре, представление о световых и звуковых волнах, сокращение мышц, измерение размеров, фазисы сцепления тел при химических процессах, статистические и исторические данные о скоплении и группировке реальных личностей в больницах, в битвах, в расселении их, размещение миров в пространстве”¹⁶), субъективный – на изучение фактов, самостоятельно не существующих вне человеческого восприятия (“температура, свет, цвет, звук, все качественное разнообразие явлений, удовольствие и страдание, аффекты, желания, общие логические понятия, самое понятие об истине и вероятности, очевидность и аналогия, все продукты творчества теоретического, чувство обязанности и нравственные идеалы, потребности личные и общественные, общественные формы, вызываемые этими потребностями, прогресс и регресс, видимые историками в процессе истории”¹⁷). Абстрагируясь от деталей, существо подхода состоит в том, что человек и общество как часть природы исследуются объективным методом, как явление культуры – субъективным. Специфика субъективного метода определяется двумя вещами: предметом исследования и ценностным подходом. Субъективный метод применяется там, где речь идет о фактах исключительно субъективного восприятия и где неизбежна опора на ценностные императивы. Поскольку социология исследует человека и общество в основном как явления культуры, ее главный метод – субъективный.

Лавров разъясняет, что общество, относясь по большей части к сфере человеческого духа, имеет еще и эмпирический, объективный компонент, состоящий из потребностей и условий географической и исторической среды. Эмпирический компонент существует объективно, обуславливает повторяемость социальных фактов, но это не отменяет уникальность морфологии социальных форм в каждый новый исторический период. Объективные параметры (потребности, географические и исторические условия) в конечном счете оказываются субъективными, потому что каждый раз рождают новые социальные формы.

Социальная эмпирика, проходя сквозь призму человеческого восприятия, становится частью субъективного мира человека, поэтому преобладающий метод социологического исследования – субъективный¹⁸.

Если довести до логического предела развиваемые Лавровым идеи, то выходит, что “для человека наиболее очевидной реальностью оказывается сознание как его непосредственная для себя реальность”¹⁹, а «“мыслящая личность” – это источник реального мира, мир же – продукт развития мышления»²⁰. Такая позиция – достаточно радикальная форма субъективного идеализма (граничащая с солипсизмом)²¹, хотя Лавров и утверждает, что субъективный метод позволяет получать (с большими, правда, трудностями) точные, строго научные результаты.

Субъективный метод в полной мере демонстрирует себя применительно к рассмотрению общества, государства и права. Лавров абсолютно прав в том, что ученый в процессе исследования создает модель изучаемого объекта и в дальнейшем работает уже с ней. Модель может в большей или меньшей степени совпадать с предметом реальности, но не может и не должна с ним отождествляться. Степень адекватности модели изучаемому предмету в решающей степени влияет на достоверность результатов исследования. Принципиальная установка субъективного метода состоит в том, чтобы максимально сблизить (если не отождествить полностью) изучаемый объект реальности и его модель. Лавров это и делает: он практически отождествляет фактическую человеческую историю с концепцией истории, идеальный образ общества, государства и права с их действительными прототипами. Поскольку социальная материя, с его точки зрения, определяется главным образом сознанием, именно в нем следует искать закономерности и движущие силы истории, механизмы социальных отношений и институтов. Но речь в данном случае идет не столько об общественном сознании, сколько об индивидуальном. “Общество, – утверждает

¹⁸ См.: там же. С. 598.

¹⁹ Кувакин В.А. Мыслители России. Избр. лекции по истории русской философии. М., 2005. С. 185.

²⁰ Пустарнаков В.Ф. Философия народничества // История русской философии. Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др.. М., 2001. С. 244.

²¹ См., например: Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии // Тахтарев К.М. Социологические труды. СПб., 2006. С. 263–265; Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 595.

¹⁷ Там же.

Лавров, – есть идеальный организм с реальными элементами, создающими, пересоздающими, воссоздающими и разрушающими общество сообразно своим потребностям”²². В.М. Хвостов уточняет эту мысль: Лавров и Михайловский только личность считали реальностью, общество в их понимании – абстракция, идеальное целое²³. Однако “реальность” личности, с точки зрения субъективного социолога, есть реальность ее сознания, которое и является определяющим в жизни общества. Главная роль здесь отводится так называемым критически мыслящим личностям: именно их индивидуальное сознание определяет ход истории, создает социальные формы (государство и право), обеспечивает их прогрессивное развитие.

Лавров развивал свои социологические взгляды в основном применительно к истории, но фактически речь шла о социальной действительности в целом (включая государство и право) на всем протяжении ее прошлого, настоящего и будущего. Человек, изучая историю, рассматривает и группирует факты на основе своих ценностных предпочтений, а фактически – творит ее по законам своего ценностного мира; он ищет в ней закономерности, обусловленные его собственным нравственным идеалом. В каждом историческом периоде, утверждает Лавров, историю толкуют по-своему, концепция истории для каждой эпохи становится связью настоящего с прошедшим: “прошлое отражается в настоящем, настоящее – в прошлом”²⁴. С целью обоснования творческой роли личности привлекается даже триада Гегеля о саморазвивающейся идеи: “Третья ступень была видимым сближением с первою, но действительным разрешением противоречия между первою и второю ступенью. Человек снова стал центром всего мира, но не для мира, как он существует сам по себе, а для мира, понятого человеком, покоренного его мыслью и направленного к его целям”²⁵. Субъективизм в понимании социальных явлений поддерживается и П.А. Сорокиным: “Обладающий определенной психофизической организацией, путем бесчисленных страданий и опытов, выработавших интеллект как могучее средство творчества истории, ставящий себе цели и достигающий их человек был всегда единственным творцом своей истории. Поставленный в зависимость от тех или иных условий природы он

изменял их постепенно в сторону желаемого, и в этом постоянном творчестве истории он творил и себя”²⁶.

В контексте такой логики государство и право оказываются в конечном счете проекцией, продуктом индивидуального сознания. Факт их существования удостоверяется личностным восприятием, опирающимся на соответствующий ценностный идеал. Поскольку реальность настоящего, по Лаврову, вырастает из видения прошлого, существующие государство и право есть творческий акт познающего сознания. Мысль не только творит историю государства и права и живет в ней, она определяет их будущее и настоящее. Современные государство и право таковы, какими они видятся субъекту в их исторической ретроспективе. Субъективное сознание, создавая концепцию исторического бытия политико-правовых институтов, фактически закладывает их будущие основы. Таким образом, государство и право оказываются результатом не столько естественноисторического процесса, сколько познающей активности субъекта. Государство и право в этом смысле глубоко субъективны, они живут по законам познающего сознания, а социологические законы их рождения, развития и функционирования относятся к сфере сознания субъекта (народа, правящего класса, отдельных лиц).

Закономерным следствием такого подхода выглядела апелляция Лаврова к критически мыслящей личности как главной движущей силе истории: именно такие личности своей волей и разумом определяют ход развития государства и права в сторону прогресса. Иными словами, в основу государства и права была положена не экономика, и даже не политика, а сознание и воля личности, ее творческая деятельность. Субъективная социология указывала на сознательно-волевую установку активного меньшинства как на подлинную природу государства и права. Пример тому – народническая теория революции, где последняя рассматривалась как проекция субъективного сознания вовне, внешняя форма проявления идеала. Новые государство и право, следуя логике Лаврова, возникают из горнила революции потому, что сознание революционной группы уже содержит некие императивы будущей государственности. Революционное сознание субъекта разрушает массовые стереотипы власти- и правоотношений и навязывает сознанию большинства новые нормы поведения в сфере политики и права.

²² Лавров П.Л. О методе в социологии. Письмо в редакцию “Знания”. С. 598.

²³ См.: Хвостов В.М. Социология. Исторический очерк учений об обществе. М., 2011. С. 311.

²⁴ Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Избр. произв. В 2-х т. Т. 2. С. 28.

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Сорокин П.А. Историческая необходимость // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 520.

Обращенность субъективной социологии к сознанию как главной исследовательской цели подтверждается, в частности, пристальным вниманием Лаврова к когнитивно-психологическому механизму, названному им “идеализацией”. Позднее данный феномен будет детально описан основателем психоанализа З. Фрейдом, но уже под более адекватным названием “рационализация”. Это – «защитный механизм, функцией которого является маскировка, сокрытие от сознания самого субъекта истинных мотивов его действий, мыслей и чувств для обеспечения состояния внутреннего комфорта, связанного с желанием сохранить чувство собственного достоинства, самоуважение, соответствие “образу идеального Я”, предотвратить переживания вины или стыда. Рационализация направлена на блокирование осознания тех мотивов, которые выступают как социально неприемлемые или неодобряемые (например, имеют эгоистическую или инстинктивную природу), а также индивидуально нежелательные, вследствие расхождения с “Я-концепцией”, жизненными планами и конкретными целями деятельности»²⁷. В самом широком смысле рационализация (идеализация) есть стремление человека найти респектабельное рациональное объяснение своим бессознательным влечениям. Рационализация – это, как правило, ложное осмысление объективного порядка вещей, но, тем не менее, направленное на поддержание данного порядка.

Механизм рационализации, присущий как индивидам, так и человеческим коллективам, понадобился Лаврову для того, чтобы объяснить легитимацию в глазах общества существующего социально-политического строя (как правило, глубоко несправедливого), силу инерции традиционных социальных институтов (прежде всего государства и права) и предложить пути их изменения. Указывая на механизм рационализации, Лавров хочет показать, что между политико-правовой идеологией (официальной и неофициальной) и материальными интересами масс и их правящего класса есть прямая связь. Во внешней политике необходимость мобилизации населения для ведения войн (оборонительных или захватнических), как правило, упаковываются в красивую, респектабельную идеологию патриотизма. Поскольку грабеж других народов, захват их территории, материальных ценностей и людей требует идеологического обоснования, создаются разного рода мифологемы, примиряющие грубые инстинкты масс с их собственной моралью. Во внутренней политике дело обстоит сложнее, хотя

общая картина принципиально не меняется. Правящий класс, эксплуатируя трудящихся, стремится подводить под систему рабства, крепостничества или внеэкономического капиталистического принуждения некое идеологическое обоснование, легализующее в глазах власти и подвластных существующий строй. Правящий класс обязан создавать политические мифы, объясняющие его право на господство. Формируя институты насилия, правящий класс должен заложить в сознание подвластных императивы, заставляющие их подчиняться добровольно, по собственному убеждению. Согласно механизму рационализации государство и право в любой исторической эпохе должны были восприниматься в качестве некоего разумного средства, устанавливающего порядок и безопасность, а исходящие от власти кровь и насилие – как неизбежное и оправдываемое зло. Идеализация (рационализация), эмоционально заявляет Лавров, позволяет людям “выдать свою тупость за размышление, свои животные влечения за нравственно-политические начала, свою рутину за консервативную теорию, свою трусость за преданность государству, свою подлость за геройство, свое любостяжание за служение праву, свое личное озлобление за борьбу против лжи”²⁸.

С помощью механизма идеализации Лавров хочет доказать, что государство и право во многом держатся за счет их ложного восприятия массовым сознанием. Именно стереотипы сознания, сформированные механизмом идеализации и потому ложные, делают возможным длительное существование данных социальных институтов, уже отживающих и мешающих прогрессу. Отсюда вытекают, как минимум, две задачи – теоретическая и практическая. В теоретическом отношении субъективная социология должна была снять с существующих политико-правовых институтов ложную идеализацию, вскрыв их подлинную суть (орудия социального зла), в практическом – критически мыслящая личность обязывалась ломать сложившиеся ложные стереотипы сознания и психологии масс, ведь именно они, по Лаврову, сдерживали движение к прогрессу.

В субъективной социологии как нигде звучит тема прогресса – одна из основополагающих для “первого” позитивизма. Несмотря на ценностную и идеологическую заданность указанной темы, она сыграла весьма заметную роль в деле формирования социологии (социологии права) как науки. Для Лаврова и Михайловского теория прогресса – не общий фон, а суть их творчества, выражение существа их социологических воззре-

²⁷ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 336.

²⁸ Лавров П.Л. Исторические письма. С. 151.

ний. Теория прогресса непосредственно связана с субъективным методом: социальный прогресс – субъективная категория, базирующаяся на нравственном идеале критически мыслящих личностей. Прогресс общества, государства и права есть проблема оценки их развития в сторону нравственного идеала. Применяя субъективный метод в контексте теории прогресса, Лавров выступает как социолог, так как пытается установить некоторые общие закономерности становления и развития общества, государства и права. Его рассуждения об условиях осуществления прогресса могут показаться слишком абстрактными, но здесь как раз и видна заслуга Лаврова-социолога, который пытается создать универсальную науку об обществе и его институтах.

Формула прогресса звучит у Лаврова достаточно абстрактно: “развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости”²⁹. Человечество развивается от примитивных форм к цивилизованным по направлению к свободе, равенству, справедливости и солидарности. Конечная цель прогресса – социализм, который у Лаврова принимает вид биологизированной социальной утопии, эклектичного соединения дарвинизма и марксизма. Важнейшая роль здесь отводится идее солидарности. В животном мире, утверждает Лавров, борьба за существование принимает форму солидарности, солидарной борьбы за существование. Солидарность – своего рода инстинкт, заставляющий человека умирать за свою социальную общность. Общество тем сильнее, чем крепче в нем солидарность людей. С течением времени инстинктивная солидарность уступает место осознанной солидарности, представленной в виде идеи, идеала, подчиняющего себе людей. Социализм и есть тот идеал, который требует прекратить борьбу внутри человечества и объединить его на началах солидарности. Социализм становится высшей фазой исторического развития борьбы за существование³⁰.

Субъективная социология, включая государство и право в общий контекст теории прогресса, тем самым давала этим институтам многостороннюю социологическую трактовку, увязывая их рассмотрение с классовой и политической борьбой, экономикой, общественным и индивидуальным сознанием, межнациональными и международными отношениями. Однако при таком видимом разнообразии отчетливо просматривался важнейший для субъективных социологов угол зрения – ан-

ропологический: главным критерием прогресса в политико-правовой сфере считалось освобождение личности (в народническо-социалистическом духе, конечно). Государство, рассуждал Лавров, имеет два начала, или источника: 1) естественное начало принудительности (коренится в природе вещей) и 2) разумное начало договора (источник государства – разум). С самого возникновения государства эти два начала вступают в конфликт, политический прогресс заключается в том, что начало принудительности сокращается. Усиление принудительности, напротив, провоцирует усиление политической борьбы: появляется все большее количество людей, готовых бороться за свое освобождение, появляются партии, доходит дело до мятежа, вследствие чего общество деморализуется, его солидарность исчезает, государство разрушается. Давая социологическую трактовку теории общественного договора, он утверждает, что за формальным договором стоит насилие. Если Локк и Руссо видели в принудительности договора требование разума, то для Лаврова договор – просто ширма, прикрывающая голое насилие меньшинства над большинством и легализующее его на неопределенное время в будущем: “Всюду государство еще представляется нам массой лиц, при самом рождении подчиненных данному кодексу и объявляемых преступниками или изменниками, если они впоследствии заявляют свое несогласие с политическими формами, о которых спрошены не были”³¹. Договор – это фикция, которая с течением времени наполняется действительным содержанием, в чем и проявляется прогресс. Элемент принудительности будет уменьшаться по мере изменения самого человека, по мере роста его самосознания и нравственной зрелости, и важнейшую роль в этом процессе будет играть критически мыслящее меньшинство.

“Государство, – продолжает Лавров, – есть отвлеченное понятие, и если это понятие не заключает реального содержания, то оно становится идолом, перед которым приносить кровавые жертвы бессмысленно и безнравственно. Реальное содержание понятию дает лишь личность в своем развитии. Внеся в понятие о государстве требование истины и справедливости, личность обращает предрассудочного идола в нераздельный элемент высшего общественного идеала, и для этого идеала всякие жертвы разумны и справедливы”³². С точки зрения антропоцентричной социологии права государство не может быть целью прогресса, оно всегда средство. Государство – это орудие борьбы за прогресс со стороны критически мыслящих личностей, но

²⁹ Там же. С. 54.

³⁰ См.: Лавров П.Л. Социализм и борьба за существование // Лавров П.Л. Избр. произв. В 2-х т. Т. 2. С. 377–381.

³¹ Лавров П.Л. Исторические письма. С. 201.

³² Там же. С. 224, 225.

с обязательным условием не увеличивать насилие (ведь политический прогресс предполагает ослабление государственного насилия).

Прогрессивное развитие права, по Лаврову, также означает сокращение в нем элемента принудительности и направленность на расширение свободы личности и укрепление общественной солидарности. Неизбежный для закона консерватизм следует преодолевать путем все более широкого участия общества в законодательном процессе. Развитие свободы, равенства, справедливости и солидарности Лавров связывает не с совершенствованием юридических отношений, а с установлением нового экономического строя. Правовое государство, закрепившее верховенство закона, формально понимаемое свободу и равенство, на определенном этапе было прогрессивным, но, будучи орудием эксплуатации одного класса другим, оно продолжает быть тормозом на пути прогресса. Отстаивая интересы буржуазии, правовое государство консервирует социальную вражду и мешает дальнейшему укреплению общественной солидарности³³.

Субъективная социология стремилась делать широкие теоретические обобщения в области геополитики и территориального устройства государства. Так, Лавров справедливо утверждает, что история человечества – это история захватнических войн, история вражды между государствами и нациями. Всякая нация, отмечает он, в целях самосохранения вполне естественно стремится к созданию своего государства, а создав его, заинтересовано в расширении его территории и усилении могущества. Маленькие и слабые государства имеют немного шансов отстоять свою самостоятельность и независимость. Вместе с тем прогресс человечества, несущий с собой реализацию идей свободы, равенства, справедливости и солидарности, меняет природу государства и проводимую им политику. До настоящего времени границы государства определялись пределом силы: государство удерживало столько территории и подвластного населения, насколько позволяла его мощь. Идеалом для правящего класса было всемирное господство. Примером тому в современном мире являются США – современное империалистическое государство: ставя своей целью установить свое господство над американским материком, оно претендует на мировое господство. В этом смысле современные империалистические державы – государства, вышедшие далеко за рамки своих естественных, разумных границ (имелись в

виду колонии). Однако сейчас в связи с развитием международного рабочего движения ситуация будет меняться: усиление влияния социалистического идеала (главная идея которого – солидарность) приведет к снижению уровня международной агрессии и сокращению территории государств до их естественных границ³⁴.

Естественные границы государства, по Лаврову, определяются двумя факторами: 1) требованиями обороны (естественные преграды (реки, горные хребты и т.д.), позволяющие успешно обороняться); 2) границами проживания национальностей. Границы, установленные по линии естественных преград, никогда не имели значения, если это были слабые государства. Для сильных государств такие границы существуют лишь на картах. Границы, проходящие по линии проживания этносов, также относительно подвижны. Несмотря на то что Лавров признает за нацией право на самоопределение, оно связывается им с идеей прогресса. Обе тенденции – борьба наций за самоопределение и борьба данного государства за сохранение политического единства – могут быть в одинаковой мере прогрессивны или регрессивны в зависимости от направленности их вектора. Историческая правда за той тенденцией (сепаратизма или централизации), которая стремится к социалистическому идеалу. Однако в конечном счете Лавров тяготеет к децентрализации. Поскольку, как он считает, социализм предполагает децентрализацию государства и федерализм, было бы желательно, чтобы одна нация создавала несколько государств (например, древние греки). В этом случае создаются благоприятные условия для критически мыслящих личностей, они могут перебираться из одного государства в другое в случае гонения на них. Дробление одной нации на разные государства способствует прогрессу³⁵.

Как представляется, субъективная социология права при всех недостатках ни в коей мере не устарела, поскольку стимулирует еще раз посмотреть на государство и право как на феномены идеального. Государство и право – это не только предметы материального мира (территория, люди, здания, вооружения, своды законов и т.д.), не только поведение (политический режим, ведение боевых действий, судопроизводство и т.д.), но и сфера сознания. В конечном счете именно сознание выводит человека из царства животного мира, государство и право – следствие этой длительной эволюции. Отсюда – актуальность самого подхода русской субъективной школы.

³³ См.: там же. С. 257, 258; Лавров П.Л. Социализм и борьба за существование. С. 374–376.

³⁴ См.: Лавров П.Л. Исторические письма. С. 207–211.
³⁵ См.: там же. С. 215–224.